

## Глава 7. Просты узы отца и сына, да тяжёк долг слуги пред государем

### Усадьба великого генерала на улице Делюн

Вести о том, что разыгралось у Ворот Воинственного Превосходства, доставили Фу Юаньтаю без промедления.

Вернувшись в столицу из Заставы Медной Горы, старый генерал слёг с тяжёлой лихорадкой. Кончина прежнего императора окончательно подкосила его силы, отчего он почти не покидал постели и редко показывался при дворе. Вот и теперь, когда император Юйчэн повелел воздвигнуть у ворот помост для назначения полководцев, чтобы проводить Чун Ю и Чун Дая на войну, Фу Юаньтай предпочёл сказать себя больным. Это избавляло от лишних расспросов и хлопот.

Ещё тогда, когда государь остался в их доме на ночь, старый генерал почуял неладное. Вскоре последовало внезапное назначение Фу Исяня на высокую должность в Управлении по передаче указов, что лишь укрепило его в тревожных предчувствиях. Но сильнее всего отца злило то, что сын даже не попытался объяснить с ним заранее. О столь важном решении собственной плоти и крови он, родной отец, узнал последним!

Фу Юаньтай слишком хорошо знал нрав Исяня. Мальчик рос преданным и чувствительным. Когда в детстве, после кончины старой госпожи, ему пришлось покинуть дворец и вернуться под отчий кров, расставание с Чун И — тогда ещё наследным принцем — далось ему тяжело. Фу Юаньтай помнил, как сын, уткнувшись в его плечо, сквозь слёзы твердил: «Брат-император, только не забывай меня, не забывай...»

Но шло время, и Сяошань по непонятным причинам сошёлся с сыном принца Чжуана, Чун Даем. Дружба их крепла день ото дня, они сделались неразлучны, пока Чун Дай не поступил на службу во дворец. После этого Исянь замкнулся в себе и отправился странствовать по Поднебесной. Отец понимал: мягкий, далёкий от мирской суеты характер сына совершенно не годился для государственной службы. И хотя юноша обладал редким талантом, Фу Юаньтай упорно не пускал его на чиновничьи экзамены. То, что сейчас на него обратил взор новый император, старик почитал за злой рок. Юйчэн отличался холодным сердцем и бездонным коварством. Окажись Исянь неосторожен — и беды не миновать. При дворе ведь как: укрощать тигра — нелёгкое дело, того и гляди растерзает.

Фу Исянь возвращался пешком. Мысли его путались, на душе скребли кошки. Он брёл без разбора дорог, петляя по переулкам, и пришёл к усадьбе, лишь когда солнце уже клонилось к закату.

У ворот его встретил старый слуга.

— Ох, молодой господин! — всплеснул руками старик. — Отец ваш с самого утра места себе не находит! Где же вас носило?

— Разнервничался, шёл не разбирая дороги, времени не заметил, — тихо ответил Исянь. — Сейчас же пойду к отцу. Сам кашу заварил, сам и расхлёбывать буду. Не тревожьтесь.

Оставив слугу, Фу Исянь направился в Западный сад. Подойдя к дверям просторного кабинета, он не посмел войти без разрешения и почтительно замер у порога, справляясь о здоровье родителя.

Изнутри донёсся недовольный хрип. Только после этого юноша переступил порог. Суровый тон отца не предвещал ничего хорошего, и Исянь догадывался: виной всему дарение флейты на помосте.

— Полюбуйся, что ты натворил! — вскинулся Фу Юаньтай. Он сидел у тёплого окна на широком ложе и при виде сына едва сдерживал гнев.

Исянь покорно опустил руки и застыл у дверей, готовый сносить упрёки.

— О чём ты только думал?! Перед лицом всего двора, на глазах у государя, ты преподносишь флейту Чун Даю! Чего ты этим добиваешься? Хочешь показать императору, что предан дому принца Чжуана пуще прежнего? Или выставить напоказ вашу нежную дружбу? Песни у всех на виду распевать — ума совсем лишился? Что, если государь заподозрит тебя в измене?!

— У меня были на то причины, отец.

— Какие ещё причины?! Ну же, просвети меня, глупого старика! Зачем тебе понадобилось лезть в это болото вслед за Чун Даем?

Исянь невольно коснулся веера на поясе, но тут же одёрнул руку.

"Отношения отца с принцем Чжуаном всегда были прохладными, они годами не общались. И хотя все знают о моей дружбе с Цзыхоу, если я сейчас достану этот веер и перескажу вчерашний разговор в «Взлёте Процветания», отец рассвирепеет. Ещё, чего доброго, побьёт. Пользы от этих откровений никакой, только лишние тревоги для старика. Лучше промолчать и действовать по обстоятельствам."

Приняв решение, Исянь ответил уклончиво:

— Отец, я помню твои наставления о верности долгу. Государь прочил меня в авангард, но я книжник, мне не пристало держать маршальский жезл. Преподнес флейту брату Чун Даю перед всем войском, я показал: пусть сам я не могу проливать кровь за родину на заставе Медной Горы, моё сердце стремится на поле брани вместе с ними. К тому же ты болен и не смог явиться. Дар единственного сына великого генерала наследнику принца Чжуана заставит умолкнуть тех клеветников, что мечтают поссорить наши семьи.

Фу Юаньтай недоверчиво сощурился, обдумывая слова сына, а затем тяжело вздохнул и покачал головой:

— Язык у тебя без костей, складно поёшь. Будь ты простым затворником, мне бы и дела не было до твоих встреч с Чун Даем. Твои речи звучат разумно, да только правды в них ни на грош. Твердишь о верности, но поверит ли государь? Вы дружили детьми, играли да лакомились сладостями, откуда тогда взяться коварству? Теперь всё иначе: ты — подданный, он — повелитель. Вся твоя бывшая дружба для него — лишь разменная монета в игре против принца Чжуана. Не смей обманываться его лаской.

— Я понимаю, отец.

— Коли понимаешь, запомни: лишнее слово — серебро, молчание — золото. Ты глуп в делах двора, и я боюсь, что твоя дерзость погубит наш род. Сейчас императору нужны люди. Комендант Девяти ворот и Лагерь Доблестной Кавалерии подчиняются Чун Яньцзи, добиться их верности Юйчэну будет непросто. Опасность велика, сам видишь. Ты сначала возвысил принца Чэна, а затем одарил Чун Дая — умудрился задеть обе стороны. Ладно, что сделано, то сделано. Наверняка из дворца пришлют за тобой. Держи ухо востро. Как только смута уляжется, проси отставку и уезжай подальше от этой клоаки.

Исянь послушно кивал, думая про себя: «Уляжется смута... Кто знает, доживу ли я до тех дней».

Не успели они закончить беседу, как в кабинет торопливо вошёл слуга:

— Господин, прибыл евнух Ван Юаньчэнь из дворца. В усадьбу заходить не велит, требует, чтобы молодой господин немедля следовал за ним.

Фу Юаньтай резко поднялся с ложа:

— Лёгко на помине! — Он ткнул пальцем в сторону сына. — Что застыл? Сам кашу заварил — сам и расхлёбывай! Перед государем — ни слова о дружбе с Чун Даем, уяснил?

Исянь торопливо направился к главным воротам. Ещё издали он заметил Ван Юаньчэня, который от нетерпения переминался с ноги на ногу и потирал руки. Завидев юношу, евнух тут же нацепил угодливую улыбку и низко поклонился:

— Господин бакалавр, Его Величество изволил прислать за вами. Поспешим же.

— Благодарю за труды, почтенный Ван. Позвольте узнать, по какому делу государь призывает меня в столь поздний час?..

Не дав ему договорить, Ван Юаньчэнь увлёк его по ступеням вниз, где уже ждал скромный

паланкин, обитый фиолетовым плисом. Опустив занавес, евнух приглушённо зашептал:

— Ох, господин, вы же умный человек, сами всё понимать должны! Вы сегодня нашего владыку до глубины души уязвили. Как вернулся с помоста, ни разу не улыбнулся. Весь день просидел у стены с закрытыми глазами, никого не принял, даже прошения смотреть не стал. От ужина отказался и велел мне немедленно за вами бежать. Уж вы поосторожнее с ним, взвешивайте каждое слово.

Исянь молча кивнул. Паланкин тронулся.

\*\*\*

Боковой зал Резонирующей Гармонии

По правилам, даже приближённые сановники обязаны дожидаться высочайшего дозволения у дверей палаты. Однако ещё у Ворот Пейзажной Гармонии Ван Юаньчэнь шепнул Исяню, что тот может входить без доклада — слугам велено оставаться снаружи. Такова была воля императора.

Исянь замялся у порога, не зная, стоит ли подавать голос, как вдруг из глубины зала донёсся холодный голос Чун И:

— Сяошань, входи.

Юноша переступил порог. За письменным столом из узорчатого палисандра сидел император. Он медленно перелистывал свиток, не удостоивая гостя даже взглядом.

Исянь опустился на колени для приветствия. Лишь тогда Чун И поднял на него глаза.

— Встань. Сам ведь знаешь, зачем я позвал тебя в такой час?

— Государь разгневан моим подношением у ворот?

— «Луна на краю света омывает слезами одежды, кто же вновь играет на флейте над рекой?»

— тихо и раздельно произнёс император, и он помрачнел. — Я весь день размышляю над этими строками. Чьи одежды омыты слезами? По ком звучит флейта? Сяошань, ответь мне.

Заметив, как переменился в лице его державный друг, Исянь хотел было смягчить его гнев ласковым словом, но в последний момент отступился и повторил ту же ложь, что приготовил для отца.

Однако не успел он договорить и до половины, как Чун И в ярости вскочил с места. Взмахом рукава он сбросил со стола изящный Дворцовый фонарь в форме Тыквы Великой Удачи из резной слоновой кости — подарок губернатора Гуандуна Лоу Юаньцина. Хрупкая кость с сухим треском разлетелась в пыль по каменным плитам пола. Крошечные искры свечи вспыхнули на мгновение и погасли.

В зале Резонирующей Гармонии по вечерам горели лишь свечи в настенных вращающихся фонарях, но после того, как императору преподнесли этот редкий светильник, он убрал лишний свет, оставив на столе только его. С уничтожением фонаря огромный зал погрузился в глубокий сумрак.

— Фу Юаньшань! — яростно выкрикнул Чун И, шагнув вперёд. — Перестань кормить меня этими чиновничьими бреднями! Верность долгу? Поле битвы? Мне не нужны твои оправдания! Сегодня я спрашиваю тебя не о делах Поднебесной. Я спрашиваю о том, что между тобой и Чун Даем!

Исянь понял, что лгать бессмысленно — это лишь сильнее разозлит государя. Он выпрямился и ответил прямо:

— Отвечаю Его Величеству: генерал Чун — мой давний и близкий друг.

Эти слова окончательно лишили императора самообладания.

— Как прекрасно! — жёлчно рассмеялся Чун И. — А я и не знал, что усадьба генерала Фу и дом принца Чжуана состоят в столь нежном родстве!

— Наша дружба с Чун Даем — дело личное, она не касается ни моего отца, ни старого принца. Мы сошлись ещё в юности, когда я не занимал никаких постов. В наших встречах никогда не было злого умысла или заговора, прошу поверить мне.

Император сделал ещё один шаг и посмотрел на него с опасным блеском:

— Давний друг? «Омыты слезами одежды, кто же вновь играет на флейте?» Выходит, ты уже тоскуешь о нём, раз разлука так ранит твоё сердце? Теперь понятно, почему ты отговаривал меня посылать Чун Дая на войну. А я-то, глупец, думал, ты печёшься о благе государства... Оказывается, ты просто боялся расстаться со своим ненаглядным другом!

— Я по-прежнему убеждён, что генералу не место в авангарде, — твёрдо ответил Исянь. — И я открыто высказал ему это в лицо.

— Как трогательно! Сначала шепчешься со мной, а после бежишь докладывать ему! За кого ты меня принимаешь? И кем ты возомнил себя сам? Всё, что я дал тебе, я могу забрать в одно мгновение!

Чун И тяжело дышал. Сделав резкий выпад, он крепко сжал пальцами подбородок Исяня, вынуждая того смотреть прямо в глаза:

— Чьи одежды омыты слезами? По ком звучит флейта? Отвечай!

Исянь долго терпел, но безумная, собственническая ярость императора перешла все границы, стирая последние капли уважения между государем и слугой. Откинуть голову назад мешала железная хватка Чун И. Обуздав гнев, Исянь посмотрел прямо в пылающие глаза правителя и отчеканил каждое слово:

— О господине тоскуя, я на флейте играл.

Звук хлёсткой пощёчины эхом разнёсся под тёмными сводами притихшего зала.

<http://bllate.org/book/19874/2038131>